

Секреты оазиса

Автор:

Эбби Грин

Секреты оазиса

Эбби Грин

Соблазн – Harlequin #16Шейхи #2

С самого детства Джамиля Моро была влюблена в шейха Салмана аль-Сакра. Их бурный роман в Париже сделал ее самой счастливой девушкой на свете – ей казалось, что он тоже любит ее. Но шейх разбил ее сердце. И вот спустя шесть лет они снова встретились...

Эбби Грин

Секреты оазиса

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения «Арлекин Энтерпрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

Secrets of the Oasis © 2011 by Abby Green

«Секреты оазиса»© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Пролог

Шестилетняя девочка стояла у могилы совсем одна. Лицо ее было очень бледным, в огромных голубых глазах блестели слезы, черные волосы водопадом падали до талии. Салман, красивый темноволосый мальчик, отделился от группы, подошел к ней и взял ее за руку.

Он посмотрел на нее очень серьезно, слишком серьезно для своих двенадцати лет, и сказал:

- Не плачь, Джамиля. Теперь ты должна быть сильной.

Она подняла на него глаза. Его родители погибли в той же катастрофе, что и ее. Если он может быть сильным, то и она тоже сможет. Она сдержала слезы и только кивнула один раз, но продолжала смотреть на него даже тогда, когда его глаза устремились туда, где только что похоронили его родителей. Они крепко сжимали руки друг друга.

Глава 1

Париж, шесть лет назад

Джамиля Моро едва сдерживалась, чтобы не побежать вприпрыжку. Она шла по Французскому бульвару, впереди возвышалась Эйфелева башня. Ей было смешно. Это так банально: Париж, весна, и она влюблена. Ей хотелось обнимать каждого и приходилось сдерживаться, чтобы не расхохотаться.

Ей всегда казалось, что люди переоценивают романтичность Парижа. Но теперь она знала: для того, чтобы почувствовать ее, нужно быть влюбленным. Неудивительно, что ее отец-француз и родившаяся в Мерказаде мама влюбились друг в друга именно здесь. Разве могло быть иначе?

Джамиля не замечала, что ее черные как смоль волосы, оливковая кожа и чудесные голубые глаза привлекали восхищенные взгляды прохожих – и мужчин, и женщин. Ее сердце билось так сильно, что она понимала – ей надо успокоиться, но единственное, что она могла сделать сейчас, – это прокричать всему миру: «Я люблю Салмана аль Сакра! И он тоже любит меня!»

Однако в этот момент она едва не споткнулась, потому что вспомнила – он так и не сказал ей, что любит ее. Он не сказал этого даже в то утро, когда они лежали в постели и Джамиля была так переполнена счастьем, что не смогла удержать слова, которые уже столько времени готовы были сорваться с ее губ.

Три недели – именно столько прошло с того дня, когда она буквально столкнулась с Салманом на улице, когда выходила из университета, где как раз сдала последние экзамены. Они выросли вместе, но не виделись уже несколько лет, и эта неожиданная встреча с человеком, в которого она была влюблена всю свою жизнь, потрясла девушку. Он стал еще красивее. Ведь теперь это был мужчина – высокий, широкоплечий и сильный.

Салман поддержал ее, чтобы она не упала, в его темных глазах читалось восхищение. Он уже готов был отпустить ее, как вдруг нахмурил брови, прищурился и неуверенно спросил:

– Джамиля?

Девушка кивнула. Сердце ее стучало, тело пылало: она столько раз представляла себе, как он смотрит на нее вот так... Потом они вместе пили кофе. А после этого Джамиле хотелось бежать, потому что ей казалось, что ее сердце вот-вот выскочит из груди. Но Салман остановил ее, быстро сказав:

– Подожди... Поужинаешь со мной?

Так начались самые волшебные три недели в ее жизни. Она быстро согласилась. Слишком быстро. Джамиля поморщилась: ей нужно было вести себя более сдержанно, расчетливо... Но это было просто невозможно. Она мечтала о нем столько лет. Сначала это была детская влюбленность, потом она переросла в подростковую и теперь превратилась во взрослую страсть.

В первый же уик-энд они поехали в квартиру Салмана и занимались любовью в первый раз. Даже теперь воспоминания о той ночи пробуждали в ней такое желание, что она запылала.

Джамиля тряхнула головой, чтобы разогнать фантазии. Она направлялась к нему сейчас, чтобы приготовить ужин, и вдруг задумалась. На самом деле Салман не приглашал ее к себе сегодня вечером – он был как-то особенно немногословен в то утро. Но Джамиля была уверена – как только он увидит ее, увидит деликатесы, которые она накупила, то улыбнется своей сексуальной улыбкой и широко распахнет двери.

Она стояла на перекрестке напротив красивого особняка восемнадцатого века, в котором находилась квартира возлюбленного, и думала о том, что стоило ей только упомянуть Мерказад, где они выросли, или его старшего брата, шейха Надима, правителя Мерказада, как Салман становился мрачным. В нем всегда было что-то мрачное, но это никогда не пугало Джамилю. Она чувствовала внутреннее родство с ним, сколько себя помнила, ей всегда было очевидно, что он одиночка и что с ним гораздо труднее найти общий язык, чем с его старшим братом. И за последние недели Джамиля поняла – надо избегать разговоров о Надиме и Мерказаде.

Через неделю она должна была возвращаться в Мерказад и собиралась сказать Салману в тот вечер, что останется в Париже, если он хочет, чтобы она осталась. Она совсем не планировала этого, но с того момента, как они снова встретились, все в ее мире кардинально изменилось. Она подошла к роскошной двери здания, на последнем этаже которого располагались шикарные апартаменты Салмана. Консьерж приветливо улыбнулся ей, когда она вошла, но затем, словно что-то вспомнив, сказал:

– Простите, мадемуазель, вы уверены, что шейх ждет вас сегодня вечером?

Услышав слово «шейх», Джамиля вздрогнула: она совсем забыла о статусе Салмана – следующего после Надима правителя Мерказада.

Мерказад – небольшой эмират, входящий в Аль-Омар, государство на Аравийском полуострове. Там родилась и выросла ее мама. Джамиля тоже выросла там, хотя родилась в Париже. Ее отец-француз работал советником у отца Салмана.

Джамиля улыбнулась, подняла вверх огромные пакеты и сказала:

– Я готовлю ужин.

Консьерж тоже улыбнулся ей, но была в его улыбке какая-то неловкость. Джамиля поднималась в лифте, и ей было не по себе. Когда лифт бесшумно остановился и двери открылись, напряжение стало еще сильнее.

Дверь Салмана была слегка приоткрыта. Стоило Джамиле открыть ее пошире, как она услышала глубокий женский смех. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы в полной мере осознать то, что она видит перед собой. Салман стоял, наклонившись, чтобы поцеловать очень красивую рыжеволосую женщину, которая обвилась вокруг него, словно лиана. Джамиля вдруг почувствовала себя такой нелепой в своих джинсах и футболке.

Руки Салмана были на талии девушки, он притянул ее к себе, и их губы встретились. Все было так же, как с Джамилей. Наверное, они услышали какой-то звук – только потом Джамиля поняла, что в тот момент пакеты выскользнули у нее из рук.

Салман оглянулся. Однако его руки все еще оставались на талии девушки, которая теперь тоже смотрела на нее красивыми зелеными глазами, в которых полыхало недовольство тем, что им помешали.

Джамиля онемела от шока и миллиона мыслей, которые пронеслись в ее голове, и просто стояла там и смотрела, как Салман быстро сказал что-то женщине и та с недовольным видом взяла сумку и пальто. Она прошла мимо Джамилы, оставив позади себя облако сильных духов, и сказала хрипло по-французски:

– Увидимся позже, дорогой.

Позади Джамилы захлопнулась дверь, и это вернуло ее к реальности.

Салман стоял перед ней в темном костюме, накрахмаленной рубашке и галстук. Впервые она видела его одетым официально, и это делало его еще более чужим. Она уже чувствовала дрожь в ногах и не могла говорить, но расслышала короткую реплику Салмана:

– Я не ждал тебя сегодня вечером. Мы не договаривались.

Но они не договаривались и о том, что всего лишь за три недели он полностью перевернет ее жизнь!

Потрясенное сознание девушки пыталось узнать в этом холодном незнакомце того мужчину, который занимался с ней любовью меньше чем двенадцать часов назад. Того, который шептал ей на ухо ласковые слова, проникая так глубоко в нее, что она выгибалась, тяжело дыша, а ее ногти впивались в его спину и ягодицы.

Она заставила себя прогнать эти мысли. Ей хотелось плакать.

– Я хотела сделать тебе сюрприз. Хотела приготовить ужин...

Джамиля посмотрела вниз – разбившиеся яйца растеклись по паркету. Бутылка вина, которая, к счастью, не разбилась, валялась на боку. Она снова услышала голос Салмана:

– Джамиля, ты не можешь приходить сюда, когда тебе вздумается.

И в этот момент в ней проснулся инстинкт самосохранения – она и не знала, что он у нее есть. Ее мир рассыпался на мелкие кусочки, но она гордо подняла подбородок и сказала:

– Я бы, конечно, не пришла, если бы знала, что ты... занят. – А затем спросила – она не могла этого не спросить, хотя ей было очень больно: – Ты встречался с ней все это время, пока встречался со мной?

– Нет. – Он отрицательно покачал головой.

– Однако ясно, что ты встречаешься с ней теперь, – еле слышно сказала Джамиля. – Наверное, тебе надоело. По-видимому, три недели – слишком много для тебя.

Она знала, что в ее голосе слышится боль. Она не могла скрыть ее даже ценой собственной жизни. Единственное, о чем она могла думать сейчас, – это о том,

как на рассвете открыла этому человеку свою душу и свое сердце. Запинаясь, она сказала ему, что любит его, что всегда любила его.

Тогда он улыбнулся и ответил:

– Это смешно. Ты почти не знаешь меня.

При этих словах Джамиля буквально прокричала:

– Я знаю тебя всю жизнь, Салман! И я знаю, что люблю тебя.

Именно тогда он испугался. Теперь ей это было ясно.

– Чего ты хочешь, Джамиля? – продолжал Салман очень мягко.

– Ничего. – Она взяла себя в руки. – С моей стороны было бы глупо чего-то хотеть. Я для тебя пройденный этап. Ты хотя бы собирался сообщить мне об этом?

– Что сообщить? – Салман поджал губы. – Мы весело провели время. Через неделю ты уезжаешь в Мерказад. А я, конечно, в монастырь не собираюсь.

Джамиля содрогнулась. Этот мужчина стал ее первым любовником – говорить о том, что произошло между ними, «весело провели время» значит превратить все в фарс.

– Ты возвращаешься в Мерказад, ведь так? – Салман выругался сквозь зубы – такие ругательства Джамиля слышала только среди мужчин на арабских рынках, – а потом сказал грубо: – Ты ведь не ожидала ничего особенного?

По-видимому, ее лицо выдало ее, хотя она изо всех сил пыталась ничего не показать ему, потому что затем он произнес с отрезвляющей холодностью:

– Я никогда ничего тебе не обещал. Я ни разу не дал тебе повод ожидать чего-то большего, ведь так?

Она покачала головой. Нет, никогда он не давал ей никакого повода чего-то ждать. Она играла с огнем и обожглась, потому что ее противником в этой игре был настоящий мастер. Каждый день был волшебным, незабываемым, но это была только игра.

Салман смотрел на стоявшую перед ним женщину. Он так давно запретил себе любые чувства, что сейчас, когда они пытались прорваться наружу, едва узнавал их. Боль сжимала его грудь, но он подавлял ее. Последние три недели он провел словно в волшебном тумане, почти поверив, что он вовсе не проклят, как всегда думал.

Случайно столкнувшись с Джамилей, увидев ее снова, увидев, какой красавицей она стала, он почти открылся ей. Ему хватило наглости на секунду вообразить, что ее врожденная чистота сможет излечить его. Несколько минут назад, когда он увидел, как Джамия с сияющей улыбкой переходит улицу, он понял, что она сказала ему правду тем утром: она действительно любит его. Весь день он пытался забыть эти ее слова, убедить себя в том, что это не так, подавить в себе чувство вины и ответственности за нее. В тот момент, когда он смотрел, как она приближается к его дому, ему казалось, что в его руках крошечная бабочка, которую он просто обязан раздавить – хотя бы чтобы спасти ее хрупкую красоту.

Он пригласил к себе под не очень убедительным предлогом забрать один документ коллегу Элоизу. Ее яркая, самоуверенная сексуальность жестко контрастировала с тонкой чувственностью женщины, которая приближалась к его дому... И в этот момент он понял, что должен позволить Джамиле войти, чтобы у нее не осталось никаких сомнений в том, что все кончено. Поэтому, когда консьерж сообщил, что Джамия поднимается, он почувствовал, как что-то внутри его захлопнулось. Он раздавит эту бабочку. Потому что у него нет выбора – ему нечего предложить ей, кроме своей раздавленной, разорванной на мелкие кусочки темными тайнами души. Он не может любить.

Салман долго ничего не говорил, только смотрел на Джамилю до тех пор, пока у нее не закружилась голова. На секунду ей показалось, что в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление, но он наконец заговорил – и от этих его слов ее сердце расколосось.

– Я знал, что ты поднимаешься. Консьерж предупредил меня. – Он пожал плечами, и в этот момент Джамиля поняла, что такое настоящая жестокость. – Я бы мог перестать целовать Элоизу, но я подумал: а что, собственно, такого? Лучше будет, если ты сейчас узнаешь, какой я на самом деле. – Однако сказанного Салману было недостаточно, и он продолжал: – Вообще этого не должно было случиться. Это была слабость с моей стороны – соблазнять тебя.

Джамиля поняла его слова как «Тебя было слишком легко соблазнить».

– Тебе надо идти. У тебя ведь куча дел – нужно готовиться к возвращению в Мерказад. – Он поджал губы. – Джамиля, поверь мне, я не тот человек, который тебе нужен. Я вовсе не рыцарь в сияющих доспехах. Все кончено. Я ужинаю сегодня с Элоизой. У меня начинается новая жизнь. Надеюсь, и у тебя тоже.

Совершенно лишившись дара речи, Джамиля прошептала:

– Я думала, мы были друзьями... Я думала...

– Что? – сказал он грубо. – Что раз мы выросли вместе, то будем друзьями всю жизнь?

– Нет, не так... – Джамиля говорила себе, что должна молчать, но что-то в ней не хотело подчиняться разуму. – Между нами было что-то другое. Ты говорил со мной, проводил со мной время, когда ни с кем больше не хотел общаться... Эти три недели... Я думала, то, что всегда было между нами... – Лицо Салмана стало таким холодным, что Джамиля наконец замолчала – она не понимала, как вообще могла так раскрыться.

– Годами ты таскалась за мной, как маленькая собачонка, а мне не хватало мужества сказать тебе, чтобы оставила меня в покое. Эти три недели – это был просто секс, ничего больше. Ты стала красавицей – и я хотел тебя. Все.

Это был конец. Те чувства к Салману, которые Джамиля таила в душе все эти годы, замерзли и рассыпались в пыль. Он разрушил и ее нежные воспоминания о внутренней связи между ними.

– Не надо ничего больше говорить. Я все поняла. Если у тебя когда-то и было сердце, его больше нет. Это мне ясно. Ты просто ублюдок.

– Именно. – По его голосу ничего нельзя было определить.

Джамиля наконец собралась с силами, чтобы уйти. Она повернулась и сделала шаг из того месива рассыпавшихся продуктов, в котором стояла.

Уже в дверях она услышала, как Салман насмешливо сказал:

– Передавай привет моему драгоценному братцу и Мерказаду. А то, боюсь, я нескоро их увижу.

Джамиля открыла дверь и вышла. И ни разу не оглянулась.

Год назад

Торжества по случаю дня рождения султана Аль-Омара проходили, как всегда, роскошно – во дворце Хуссейна, в самом сердце столицы Аль-Омара Бхарани, расположившейся на побережье Аравийского полуострова, в двух часах езды от расположенного в горах Мерказада. Один из приближенных султана в течение нескольких лет пытался ухаживать за Джамилей, и наконец она согласилась прийти на празднование в качестве его девушки. Ей было не по себе теперь, потому что она понимала, что главной причиной ее согласия прийти было то, что там будет Салман.

Таблоиды всего мира постоянно сообщали, кого из первых красавиц планеты он выбрал в качестве новой любовницы. На все светские мероприятия он всегда приходил один, однако уходил всегда с кем-нибудь. Ее кавалер на секунду оставил ее одну в переполненном зале. Это был первый вечер празднований, а значит, на мероприятие допускались только члены семьи и близкие друзья, и тем не менее в зале столпилось человек двести.

Джамиля ругала себя за опрометчивое решение явиться во дворец. Все дело в том, что за все эти годы, что прошли с момента их последней встречи в Париже, она так и не смогла забыть Салмана, и ей снова начали сниться сны – сны о том,

как будто ей шесть лет, она стоит у могилы родителей и к ней подходит Салман, берет ее за руку и наделяет такой силой, что она чувствует, что ей все по плечу.

Она понимала – это смешно, но именно в тот момент она влюбилась в него. И хотя она давно уже рассталась с мыслью, что та детская любовь переросла во что-то более глубокое, она ничего не могла поделать со своим сердцем, которое всегда сжималось при этих воспоминаниях. Она вспоминала, что, когда была подростком, каждый приезд Салмана домой из Англии, где он учился, был огромным праздником на фоне серых дней. На время его визитов, запинаящаяся и краснеющая, она словно превращалась в комок гормонов. Потом он стал приезжать все реже и реже и в конце концов перестал приезжать совсем – и с этого момента ее жизнь стала беспросветной.

Ей не надо было напоминать о том, как Салман ответил на ее любовь. Скверно, но ее решение учиться в Париже было продиктовано главным образом тем, что там жил Салман, нежели тем, что это было желание ее отца – чтобы Джамилля училась в его родном городе. И она сполна заплатила за это решение.

Ей стало горько. Сны были последней каплей. Так не могло больше продолжаться. Она надеялась, что придет на вечеринку, увидит Салмана, этого развращенного, всем известного шейха-плейбоя, почувствует отвращение к нему и сможет начать новую жизнь. Она представляла себе, как, увидев Салмана, изобразит удивление и ни ее лицо, ни глаза не выдадут той эмоциональной бури, которую она скрывала внутри себя все эти годы. Она со скукой спросит, как его дела, а затем, сделав вид, что ей нет до него никакого дела, отойдет прочь. Вот и все. И она избавится от него. А он останется с чувством, что то, что произошло между ними, ничего не значит для нее...

Однако все случилось совсем не так. Она выходила из своих апартаментов и вдруг впереди увидела высокую фигуру в смокинге. Она приняла его за Надима – они одного роста и телосложения – и решила окликнуть. Она слишком поздно поняла свою ошибку: звук уже сорвался с ее губ. Человек обернулся, и его и без того хмурое лицо стало еще более хмурым, как только он увидел ее. Эта встреча с ним в пустом коридоре так потрясла Джамиллю, что она не могла вымолвить ни слова.

Он стоял, раскачиваясь на каблуках и засунув руки в карманы, и лениво оглядывал ее с ног до головы оценивающим взглядом. И этого человека она считала ранимым и уязвимым?

– Ну вот мы и встретились снова, Джамиля. А я уже думал, ты меня избегаешь.

Его глубокий голос и манера растягивать слова так подействовали на девушку, что она на секунду снова перенеслась в тот жуткий вечер в его парижских апартаментах.

Было ясно – она не сможет следовать тому сценарию их встречи, который нарисовала в своем воображении. Она собрала всю волю в кулак, чтобы сохранить самообладание. Джамиля заставила себя сдвинуться с места, твердо намереваясь пройти мимо него, однако он схватил ее за руку, и, почувствовав его прикосновение на своей обнаженной коже, она споткнулась и подняла на него глаза.

– Не будь смешным, Салман. Почему я должна избегать тебя?

Ей ответил ее внутренний голос: «Потому что он разбил твое сердце и ты так и не смогла этого забыть».

Джамиля заметила, что у его рта появились едва заметные морщины, а его глаза стали совсем холодными – она никогда не видела их такими.

– Потому что я никогда не видел тебя на вечеринках у султана.

– Я не люблю такие мероприятия. – Она высвободила свою руку. – И хотя это и не твое дело, но сегодня я здесь с...

– Джамиля! Я как раз иду за тобой. – К ним приближался ее кавалер.

Ей сразу стало легче дышать. Она почувствовала, как рука собственника обняла ее за плечи – мужчины никогда не упускают случая обозначить территорию своих владений – и увлекла за собой. И вот теперь она стояла посреди толпы, после роскошного ужина – ужина, который буквально застрял у нее в горле, потому что она все время чувствовала на себе внимательный взгляд Салмана.

К ее глубокому облегчению, в этот момент она увидела шейха Надима и его ирландскую девушку Изольду, которая работала на конюшнях. Они познакомились, когда Надим покупал в Ирландии конный завод ее семьи.

Джамиля подошла к ним и заметила, что они встревоженно смотрят на нее. По-видимому, она была очень бледна – ее голова кружилась.

– Что случилось, Джамиля? – спросила Изольда.

– Ничего, – вымученно улыбнулась та.

В этот момент она увидела, что Салман приближается к ним, и поняла, что это конец. Как ей вообще могло прийти в голову, что ей необходимо увидеть его? Она пробормотала что-то о том, что ей нужно найти ее партнера, и буквально побежала через весь зал во двор, где, к счастью, толпилось несколько человек. Она оперлась о каменную балюстраду и сделала глубокий вдох. И в этот момент каждой клеточкой своего тела ощутила присутствие Салмана.

Она медленно повернулась и увидела, что во дворе больше никого нет – словно напряжение между ними было таким сильным, что заставило всех вокруг исчезнуть.

– Оставь меня в покое, Салман. – Джамиля больше не заботилась о том, чтобы сохранить лицо.

Его ответ прозвучал жестко:

– Если бы ты хотела покоя, ты бы осталась в Мерказаде.

Она сжала губы: пусть неприятная, но правда. Сама мысль о том, что она сможет спокойно пережить встречу с ним...

– Конечно, потому, что ты никогда не приезжаешь туда.

– Именно. – Его глаза пылали.

Некоторое время они молчали, затем Салман шагнул вперед – и сердце Джамили упало: она заметила, что двери во двор были закрыты.

– Оказывается, ты еще красивее, чем я думал.

Джамиля смело посмотрела на него. Ей не было дела до его комплиментов. Она заметила огонь в его глазах – и возмутилась. У него нет прав на нее. Его лицо скрывала тень, и она не могла точно определить, что оно выражает.

– Ты уже говорил мне это, Салман. Разве ты не помнишь, как объяснил причину того, что затащил меня в постель?

– Ты была красива тогда. Но сейчас твоя красота расцвела. В ней появилось что-то еще... – В его голосе прозвучала какая-то боль, и это застало Джамилю врасплох.

– Ты бы должен понимать, Салман, что это. Это цинизм. – Она изо всех сил постаралась изобразить насмешку. – Ты ведь у нас король циников, так ведь? Всегда приходишь на вечеринки султана один. И всегда уходишь с самой красивой женщиной. Ты все еще следуешь своему правилу трех недель? Или это ты только для меня сделал исключение? Скажи, сколько продержалась прекрасная Элоиза?

– Хватит.

– Почему же?

Салман сделал еще один шаг. Тень больше не скрывала его лицо, и когда Джамиля увидела его, она забыла обо всем.

– Я думал, это уже в прошлом.

– В прошлом? – Джамиля попыталась усмехнуться и сцепила пальцы за спиной. – Ты уже давно в прошлом для меня. Мне не о чем говорить с тобой, поэтому, если ты, конечно, не возражаешь, я пойду – мой друг будет волноваться.

– Твой друг? Он на побегушках у султана. Зачем он тебе?

– А тебе-то что? – возмутилась Джамиля. – Он как раз мне подходит. Альфа-самцы давно потеряли для меня всякую привлекательность.

Она хотела обойти Салмана, но он снова схватил ее за руку и вкрадчиво спросил:

– Ты кричишь его имя по ночам? Впиваешься ногтями в его спину, умоляя не останавливаться?

«Ты говоришь ему, что любишь его?» – Он не сказал этого, но слова повисли между ними. И снова чувственные фантазии захватили ее ум и тело, как будто всегда были где-то совсем рядом. Она не отдавала себе отчета, что Салман притягивает ее к себе, не понимала, что таится в его темных глазах, не видела, как жадно он разглядывает ее тело, не осознавала, что глубокий стон вырвался из ее груди, когда он притянул ее к себе и склонил к ней голову. Чувства вернулись к ней, только когда она ощутила его горячие жадные губы, от прикосновения которых ее губы раскрылись, и его язык проскользнул между ее маленькими зубками. Она была беззащитна. Желание охватило ее.

Вдруг оказалось, что все это время ее тело отлично помнило его прикосновения и жаждало их. Ей было так приятно чувствовать его руки на спине, еще приятнее – на ягодицах, которые отделял от них только шелк ее платья. Он притянул ее еще ближе, и она ощутила всю силу его желания. Стон сорвался с ее губ, спина выгнулась – она вся пылала, ей хотелось большего, словно не было всех этих лет.

И все это время их губы не размыкались – словно не в силах оторваться от источника воды после долгой дороги по пустыне. И только когда Салман притянул ее еще ближе, предательский образ вдруг снова появился перед ее глазами – образ рыжеволосой женщины, которую он держал в своих руках точно так же, как ее сейчас.

Джамиля мгновенно пришла в себя и освободилась из его рук. Она отошла в сторону, потрясенная тем, как легко она потеряла контроль над собой.

– Держись от меня подальше, Салман. Между нами ничего нет. Ни-че-го. И никогда не было. Ты сам это сказал. Мы просто немножко развлеклись. И я больше не собираюсь развлекаться с тобой. – Она резко повернулась и направилась к двери, моля Бога, чтобы Он снова не остановил ее. Ее темно-синее шелковое платье, словно море, колыхалось вокруг нее. Вдруг она обернулась и сказала: – У тебя уже был шанс. И другого не будет. И чтобы ты знал, было много имен, которые я кричала по ночам. Поэтому не думай, что

между нами произошло нечто особенное.

Салман смотрел, как Джамиля возвращается в зал, и на секунду его охватило настоящее отчаяние. Как только он увидел ее, так сразу испытал те чувства, которые не испытывал со времени их последней встречи. Он прислонился к стене – в ногах была слабость. Целовать ее, держать ее в своих руках – это было невыносимо. И в то же время необходимо – так же необходимо, как дышать. Словно не было этих прошедших лет. Он хотел ее с каким-то отчаянием.

Он снова распряился. Однажды он уже соблазнил ее, а потом отверг. Он не должен больше хотеть ее. Он никогда не хочет тех женщин, которые у него были. Так почему с ней все должно быть по-другому?

Салман последовал за ней в зал. На лице его блуждала мрачная улыбка. Он надеялся, что она сказала правду о своих многочисленных любовниках. В этом случае это бы означало, что он не слишком сильно повлиял на ее жизнь, а значит, может говорить себе, что та боль, которую он заметил в этих прекрасных голубых глазах, ему просто показалась.

Джамиля понимала, что ее прощальные слова Салману были лишними, но в тот момент они казались ей необходимыми, хотя правды в них было не много. Она больше не притворялась, что ей нравится вечеринка, – за прошедший час все изменилось. Она ехала в своем джипе домой, в Мерказад.

В конце концов ей пришлось остановиться у обочины, потому что она ничего не видела от слез. Джамиля облокотилась на руль и спрятала лицо в ладонях. Как же она была наивна, что думала, будто сможет просто так встретиться с Салманом! И еще этот поцелуй, который – она была уверена – стал просто экспериментом, который должен был доказать, как он нужен ей.

На самом деле она так и не смогла поверить, что он мог вот так вдруг превратиться в чужого, жестокого человека тогда, в Париже. Чувствуя, что снова подыскивает для него оправдания, Джамиля остановила себя. Он всегда был холодным и жестоким, просто она была слишком наивной, чтобы заметить это. Она часто думала о том, что Салман стал таким мрачным и отчужденным из-за тех страшных событий, которые случились в Мерказаде много лет назад. Тогда в Мерказад вошли войска Аль-Омара, чтобы лишить его независимости.

Салман, его брат и их родители целых три месяца были заперты в подземелье замка. Это было тяжелое время для всей страны, и, должно быть, это навсегда травмировало души Салмана и Надима. Джамиле тогда было всего два года, поэтому она не могла помнить, как все это было.

В последующие годы она всегда была единственным человеком, которого Салман подпускал к себе, когда не хотел общаться ни с братом, ни с родителями. Он никогда не был разговорчив, зато всегда терпеливо слушал ее бессвязную болтовню.

Годы шли, она превратилась в зажатого косноязычного подростка, но с Салманом ей всегда было легко. Он даже сам разыскал ее в тот день, когда навсегда покинул Мерказад. Ей было шестнадцать, и она была безнадежно влюблена. Он провел пальцем по ее щеке, и такая боль была в его глазах, что ей страшно захотелось утешить его, но он только сказал:

– Увидимся, малышка.

Тогда в Париже ей показалось, что эта внутренняя связь снова установилась между ними. Но если верить тому, что Салман сказал ей тогда – а почему, собственно, она не должна ему верить? – то это просто иллюзия. Она наконец должна понять – поведению Салмана не может быть никаких оправданий. А после сегодняшнего вечера она просто обязана поставить жирный крест на своей любви к нему.

Глава 2

Наши дни

Вертолет летел над вершинами гор. Шейх Салман бен Калид аль Сакр смотрел туда, где вдали уже виднелись минареты. Они приближались к Мерказаду, его родному дому.

Он возвращался сюда впервые за десять лет. Десять долгих лет. Все внутри у него сжалось. Он помнил день своего отъезда, помнил яростный спор со

старшим братом Надимом так ясно, как будто все случилось вчера. И это несмотря на то, что он изо всех сил пытался все забыть.

Они находились в кабинете Надима, в том кабинете, из которого его брат руководил страной с тех пор, как ему исполнилось двадцать один год.

Ответственность Надима всегда наводила на Салмана ужас – он знал, что сам никогда не сможет вынести ее. Не потому, что он не способен на это, но потому, что, когда ему было восемь, он уже испытал весь ужас ответственности за своих близких – он никогда никому не рассказывал об этом. После этого он вырвал Мерказад и всех, кто был с ним связан, из своего сердца.

В этот момент в его памяти возникла Джамиля. Он помнил ту душевную близость, которая связывала их в детстве. Много лет она была единственным человеком, чье присутствие не раздражало его. И потом, в Париже, как легко она изменила его жизнь! А затем он сказал ей, что между ними не было ничего, что она просто выдумала ту детскую связь. При воспоминании об этом он похолодел и заставил себя сосредоточиться на том разговоре с братом.

– Это твой дом, Салман! – кричал ему Надим. – Ты нужен мне здесь. Чтобы быть сильными, мы должны управлять вместе!

Салман помнил – ему было все равно, что говорил его брат. Он знал, это его последний день в Мерказаде. Он свободный человек. С восьми лет, со времени их заточения, он чувствовал себя на много-много лет старше, чем Надим.

– Брат, это теперь твоя страна, не моя. У меня своя жизнь. У тебя нет права диктовать, как мне жить.

Он видел, что в Надиме происходила борьба. Салман молчал, но его молчание словно говорило: «Даже не пытайся мне диктовать!» И Надим сдался.

Слишком многое их разделяло. Каждый раз, когда Салман смотрел на своего брата, он чувствовал мучительную зависть. Надим – как положительный герой, добропорядочность которого никогда не подвергалась испытаниям, никогда не осквернялась – он не знает, что это такое. Зато это знает Салман – он узнал это тогда, когда с детством пришлось расстаться на целых три месяца, которые показались ему тремя столетиями.

Салман знал – Надим винит себя за то, что не смог тогда защитить его. И хотя он понимал, как это нелепо – ведь Надим был так же незащищен, как он сам, – он все же считал, что брат должен был спасти его от всех тех ужасов, которые ему пришлось пережить. В каком-то смысле ему хотелось, чтобы Надим испытал такую же боль, и он пользовался любой возможностью, чтобы причинить ее, вполне отдавая себе в этом отчет, хотя и проклиная себя за это.

Все эти годы они обвиняли друг друга и самих себя, и только в прошлом году, встретив брата на праздновании дня рождения султана Аль-Омара, Салман почувствовал – что-то в нем изменилось. Они только перекинулись парой слов, как это вошло у них в обычай – они встречались один-два раза в год, – однако он почувствовал легкость в общении, чего раньше никогда не было.

Салман поморщился. Он смотрел невидящими глазами на раскинувшуюся внизу во всем своем горном великолепии родную землю. То, что он летит туда сейчас, – огромное событие в его жизни. Он сам в это не очень верил. Не верил, что проведет в Мерказаде, во владениях Надима, целый месяц, пока тот со своей беременной женой будет гостить в Ирландии, где она родилась.

Предание говорило, что если Мерказад останется без шейха хотя бы на один месяц, тогда произойдет военный переворот, который приведет к власти нового правителя. Эта легенда появилась во времена, когда государство постоянно подвергалось разного рода нападениям. Однако страна осталась без шейха только однажды – когда погибли их родители. До совершеннолетия Надима страной руководил временный совет. Им повезло, что армия была верна их умершему отцу и Надиму.

Однако Надим поведал Салману, что многие в стране разочарованы тем, что шейх женился не на местной девушке, а потому он опасается, что страна уязвима до тех пор, пока не родится его наследник, но если Салман проведет этот месяц в Мерказаде, переворота можно не опасаться.

Салман неожиданно для самого себя сказал «да», хотя собирался сказать «нет». В глубине души он всегда знал, что однажды обязательно вернется домой, чтобы лицом к лицу встретиться со своими страхами. И вот это время пришло. Именно этим он объяснил себе свое непостижимое решение, а вовсе не скрытым чувством долга... и не тем, что он лишился покоя с тех пор, как увидел Джамилю на той вечеринке год назад.

Даже сейчас он помнил, как сжалась его грудь, когда он увидел ее в коридоре дворца Хуссейна, словно видение, словно она вышла из его мечты, в существовании которой он бы никогда себе не признался. Только в этот момент он понял – и вздохнул с облегчением, – что все эти годы с момента их встречи в Париже он каждый год отправлялся на вечеринку султана с одной только мыслью – увидеть Джамилю... Однако это открытие не слишком его обрадовало. Он не должен был вступать с ней в отношения. Он должен был найти в себе силы и отказаться от нее. Но он не смог. Хотя прекрасно знал, что она была слишком, слишком невинна для такого, как он, он все же соблазнил ее в Париже, чем еще раз доказал себе, насколько он испорчен. Но и этого ему показалось мало – и тогда он разбил ее сердце. Он вспомнил, как бледна она была тогда. В ее прекрасных глазах стояла невыразимая боль. Радостное невинное существо превратилось в опустошенного взрослого человека – а он еще говорил себе, что все это для ее блага. Он уверял себя, что спас ее – от себя и других, похожих на него. Ведь его самого уже ничто не спасет. Он видел зло так близко, что оно навсегда испортило его. И испортит любого, кто будет рядом с ним.

Однако все это не помешало ему поцеловать Джамилю на вечеринке у султана. Стоило только представить себе ее с «другом», как ему захотелось доказать всему миру, что она принадлежит ему. За прошедший год ни одной женщине так и не удалось пробудить в нем его когда-то ненасытное либидо – ему понадобились все силы, чтобы забыть этот факт. И словно в насмешку при одной мысли о Джамиле его тело моментально ответило. Он никогда больше до нее не дотронется. Это его единственный шанс спасти хотя бы частицу своей души.

Салман знал – Надим подозревает, что между ним и Джамилей что-то произошло, и, конечно, не мог этого одобрить. Во время последнего разговора в его тоне чувствовалось предупреждение.

– Думаю, ты не будешь часто видеть Джамилю. Она живет и работает на конюшнях, и она очень занята.

И это очень хорошо, повторил про себя Салман, ведь сама мысль о лошадях и конюшнях вызывала в нем такой ужас, что кожа покрывалась мурашками. Он точно не скоро там появится.

Салман был занят своими мыслями, когда вертолет стал снижаться на территорию замка, и в этот момент панический ужас охватил его – он едва

сдержался, чтобы не дать пилоту команду лететь назад. Нет, он достаточно сильный для того, чтобы выдержать один месяц на родине. Он должен.

Салман глубоко вздохнул. Белый замок был уже перед ним. Его покрытые орнаментом стены и крытые галереи в один момент вернули Салмана во времена, которые все еще казались невыносимыми. Он справится с этим. Так же как он до сих пор справлялся со своей жизнью – всячески избегая боли.

– Мисс Джамиля, он вывалился из вертолета – рубашка расстегнута, джинсы рваные. Он больше похож на рок-звезду, чем на следующего правителя Мерказада. – Главная экономка поморщилась, ее лицо выражало отвращение. – Он совсем не похож на брата. Это позор для...

– Ханна, довольно.

Они собрались, чтобы обсудить, что нужно сделать в замке, пока нет Надима и Изольды. Джамиле все давалось с трудом с тех пор, как она услышала накануне, что Салман здесь.

– Простите, мисс Джамиля. Я забылась на секунду... – Пожилая женщина покраснела.

– Ничего. – Джамиля улыбнулась через силу. – Не беспокойтесь, он будет здесь, всего лишь пока Надим и Изольда не вернуться. А потом все станет по-прежнему.

Да, по-прежнему.

– А на следующий год в замке появится малыш! – Лицо экономки просветлело.

Пожилая женщина продолжала что-то радостно говорить, а Джамиля надеялась, что ее боль не отражается на ее лице и в глазах. Она любила Надима и любила Изольду, которая стала ее близкой подругой, но, к ее огромному стыду, она немного завидовала их безоблачному счастью.

По правде говоря, когда Надим сказал ей, что они уезжают в Ирландию проведать семью Изольды, пока еще есть время до рождения ребенка, Джамиля

почувствовала облегчение. Ей становилось все труднее и труднее видеть их любовь, особенно с тех пор, как около шести месяцев назад стало известно о беременности Изольды. Надим ни на секунду не отпускал жену от себя, лелеял ее, как драгоценный камень. Джамия видела – это сводит Изольду с ума, однако на самом деле Изольда ни в чем ему не уступала: если мужа не было рядом более часа, было заметно, что ей становится не по себе.

Однако надеждам Джамии немного расслабиться не суждено было сбыться. Как-то за обедом Надим вскользь упомянул, что в его отсутствие страной будет руководить Салман. От Джамии не ускользнуло, что и Надим, и Изольда внимательно следили за ее реакцией. Они не спрашивали ее, почему она так странно вела себя на вечеринке у султана, но и так было ясно – это связано с Салманом.

Джамия могла гордиться собой: она стоически восприняла это известие, продолжая потягивать вино. И только надеялась, что ее руки не задрожат.

– Это хорошо. Он так давно не был дома, – сказала она безучастно.

– Если хочешь, поезжай во Францию, посмотри, как обстоят дела там на конюшнях, – мягко сказал Надим.

– Нет. – Джамия выпрямилась, все ее тело было напряжено. Она боялась, что они могут решить, будто она не выдержит или присутствие Салмана скажется на ее работе. Она покачала головой, судьба была решена. – У нас здесь слишком много работы...

Но теперь, когда Ханна встала и спросила, придет ли она в замок, чтобы поговорить с персоналом, она едва не закричала «Нет!». Ей пришлось успокаивать себя. Она бессовестно решила сыграть на гордости Ханны. Поэтому улыбнулась и сказала так беззаботно, как только смогла:

– Зачем мне приходиться, если вы прекрасно со всем справляетесь? У нас здесь, на конюшнях, куча дел. А если что-нибудь случится, вы позвоните мне.

К ее глубокому облегчению, Ханна не стала возражать. Когда женщина ушла, Джамия откинулась на спинку офисного кресла. Ее сердце колотилось, как у испуганного жеребенка.

Целый месяц. Целый месяц ей лучше не приближаться к замку и к Салману. По крайней мере здесь, на конюшнях, где она жила, она могла чувствовать себя в относительной безопасности. Он ненавидел лошадей ровно столько, сколько она его знала, поэтому была уверена, что он и близко сюда не подойдет.

Все было кончено. Поэтому то, что он находился сейчас совсем рядом, всего в десяти минутах езды от нее, ничего не значило. Совсем ничего.

Телефон зазвонил в 5.30 утра. Джамиля как раз собиралась уходить, чтобы совершить свой утренний обход конюшен и убедиться, что все в порядке. Она чувствовала себя плохо от постоянного напряжения и недосыпа.

Вот уже несколько дней шум вертолетов не прекращался ни на секунду. Территория замка превратилась в вертолетную площадку. И хотя конюшни располагались довольно далеко, иногда вертолет подлетал так близко, что лошади пугались и их потом приходилось успокаивать часами. До Джамили доходили разговоры, что Салман превратил свое пребывание в замке в череду непрекращающихся вечеринок.

Джамиля собралась с духом и ответила на звонок в офисе, который был частью ее личных апартаментов. На другом конце были слышны истерические всхлипывания. Наконец ей удалось успокоить Ханну и расслышать хоть что-то внятное. Она чувствовала, как в ней поднимается ледяной гнев.

- Я иду, - удалось ей вставить в непрекращающиеся стенания Ханны.

Этот гнев был ее спасением - он отвлекал ее от страха вновь увидеть Салмана. Джамиля вышла на улицу и села в джип. Дорогу в десять минут она преодолела за пять. Ханна уже ждала ее. Стоило Джамиле выйти из машины, как экономка запричитала:

- Всю ночь, каждую ночь... громкая музыка и еда! Мы больше не можем выполнять все их требования! И еще они начали разбрасывать вещи в церемониальном зале! Если бы только Надим это видел...

Джамиля мягко, но твердо остановила Ханну и сказала:

– Соберите людей для уборки. И пусть Сакмал подгонит автобус. Этим утром все гости уезжают.

Примерно через час она подошла к той части замка, которую облюбовал для себя Салман. К тому времени гнев просто клокотал в ней. Она увидела разгром, который учинили в замке так называемые гости – он привез сюда, наверное, половину всех тусовщиков Европы. Она сама только что посадила в автобус человек пятьдесят все еще пьяных и очень недовольных «гостей». Их доставят в Аль-Омар, а оттуда – напрямик домой.

Джамиля толкнула дверь в покои Салмана, раздался стук о стену. То, что она увидела, причинило ей такую боль, что она едва не согнулась пополам. Ее гнев разгорелся еще сильнее – она поняла, что все еще зависит от него.

На роскошном ложе растянулись два тела. Рядом с кроватью стояла пустая бутылка из-под шампанского и бокалы. Пышная блондинка с размазанной косметикой, одетая в маленькое блестящее платье, подняла на Джамилю пьяные глаза. Она лежала рядом со спящим Салманом, ее рука – на его обнаженной мускулистой груди. Слава богу, на нем хотя бы были джинсы.

– Что вы себе позволяете? – заплетаясь, произнесла она.

Джамиля подошла к кровати, стараясь не обращать внимания на смуглое тело Салмана, взяла женщину за руку и потянула за нее.

– А-а-а!

Джамиля была непреклонна. Она проводила женщину к двери, где в нерешительности стояли две горничные. Они были с ног до головы одеты в черное. Их огромные карие глаза становились все больше и больше.

– Девушки, пусть гостя соберет свои вещи, а потом проводите ее к автобусу, – ледяным голосом приказала Джамиля. – И скажите Сакмалу, что он может ехать. Кажется, это последняя.

Пьяная женщина пыталась протестовать, но Джамиля захлопнула за ней дверь и повернулась. Салман не шевельнулся. Ее сердце сжалось от боли. Он всегда

спал крепко, а сейчас он к тому же был пьян. Она оглядела его мускулистое тело. Приходится признать, что, хотя он ленивый и никчемный плейбой, у него тело атлета в самом расцвете сил.

Темная щетина подчеркивала твердость подбородка, черный локон упал на лоб, длинные ресницы нежно ласкали высокие скулы – он казался таким невинным, что был похож на темного ангела, в буквальном смысле упавшего с неба. Вот только он не был ангелом – ни падшим, ни каким-либо другим.

Джамиля крепче сжала губы, как будто это могло остановить поднимающуюся в ней горячую волну, и направилась в ванную. Через некоторое время она вернулась в гостиную, мысленно попросила прощения у Надима и Ханны за то, что собиралась сделать с этой роскошной мебелью, а затем вылила на Салмана целое ведро ледяной воды.

Салман решил, что на него напали. Его рефлексy были отточены до такой степени, что он оказался на ногах задолго до того, как понял, что произошло. Однако через несколько секунд он оценил ситуацию и расслабился.

Джамиля стояла перед ним с пустым ведром и таким воинственным видом, что он ощутил головокружение. Впервые с тех пор, как он вернулся сюда, Салман чувствовал, что владеет собой, что не мчится к краю пропасти без руля и без ветрил.

Ее волосы были собраны сзади, на лице ни капли косметики. В белой рубашке, джинсах и сапогах она могла сойти за восемнадцатилетнюю. Ее волшебные голубые глаза сверкали, как сапфиры, щеки слегка покраснелись – она была настоящим бриллиантом, по сравнению с этими искусственными дамочками, которые сражались за его внимание последние несколько дней. Он с отвращением вспомнил ту, которая в конце концов забылась пьяным сном рядом с ним этим утром. Он пообещал себе отправить всю эту орду на своем самолете, поскольку все же осознал, что сделал ошибку, привезя их сюда. Но, судя по выражению лица Джамили, об этом уже позаботились.

– Как ты посмел? – говорила Джамиля, и что-то подсказывало ему, что ее голос дрожит от гнева, а не от чувств. – Как ты посмел превратить замок в бордель? Бедная Ханна в шоке – она столько пережила, ублажая тебя и всех этих богатых

бездельников. Мало того что они разгромили замок, их визиты на вертолетах постоянно пугали лошадей.

Воздух накалился. Салман, раскачиваясь на пятках, лениво оглядел Джамилю с ног до головы. Ему, казалось, наплевать на то, что он весь мокрый, и Джамиле пришлось признать – все пошло совсем не так, как она ожидала. Салман не выглядел раскисающимся. Он даже не выглядел пьяным. Его взгляд был таким же пронзительным, как всегда. Ей лучше не смотреть вниз – туда, где мокрые джинсы обтягивают его бедра.

Он скрестил руки на груди – и его бицепсы вздулись. Джамиля с опозданием поняла, что разбудила спящую пантеру.

– Даже не поцелуешь меня в знак приветствия. – Он говорил, растягивая слова. – Как-то это невежливо, не находишь?

Джамиля поставила ведро на пол, потому что боялась, что выронит его. Ей пришлось выдержать этот пронзительный, так беспокоящий ее взгляд. Чувствуя, что надо спастись как можно быстрее, она произнесла ледяным голосом:

– Видимо, Мерказад – слишком скучное место для тебя. Если тебе нужны развлечения, думаю, лучше отправиться в Бхарани, вслед за твоими друзьями. Они как раз едут туда на автобусе.

На секунду его губы тронула улыбка – Джамиля готова была поклясться в этом. Но потом она исчезла, и девушке еще сильнее захотелось бежать. Она повернулась, чтобы уйти, но не успела подойти к двери, как сильная рука схватила ее и повернула к себе.

– Ну и куда ты собралась? – услышала она гортанный голос.

– Что... – Она не смогла договорить.

Салман знал, что должен оставить ее в покое. Он пообещал себе, что не будет преследовать ее. Но, увидев ее сейчас, увидев это прекрасное тело, он чувствовал, что его измученная душа не сможет противостоять искушению.

– Я же сказал, неужели ты не можешь вежливо поздороваться со мной?

Джамиля подняла на него глаза, уже проклиная себя за то, что пришла сюда.

– Зачем мне здороваться с тем, кто не в состоянии прилично вести себя в собственном доме?

– Именно. – Злость сверкнула в его глазах. – Это мой дом, не забывай об этом.

– То есть ты напоминаешь мне о моем месте? – выпалила Джамиля. – Это так, Салман? Мне давно уже никто не напоминал, что я не член вашей семьи.

Она попыталась освободиться, но он слишком крепко держал ее, а затем повернул лицом к себе и посмотрел ей прямо в глаза.

Конечно, она не была членом семьи. Несмотря на всю заботу и все старания Надима защитить и поддержать ее, она всегда знала свое место. Так зачем Салман заговорил об этом сейчас?

– Ты знаешь, я не это имел в виду. Просто это мой дом, и я буду вести себя здесь так, как считаю нужным. Я правитель и не должен ни перед кем отчитываться.

Она выставила вперед подбородок и гордо сказала:

– Ты подчиняешься мне. Все здесь знают, кто на самом деле правитель. И это точно не ты. Тебе сначала придется завоевать уважение людей здесь. А я не буду стоять в стороне и наблюдать, как ты оскверняешь дом Надима и Изольды.

Не успела Джамиля осознать, почему сделалась такой воинственной, как они внезапно оказались намного ближе друг к другу. У нее перехватило дыхание, как только она ощутила его незабываемый и такой мужской запах. Она вдруг поняла, что от него совсем не пахнет спиртным. Он не был пьян? Но она ведь видела своими глазами...

– Я уже сказал, – его тон был таким же ледяным, как и ее, – этот дом принадлежит не только Надиму, но и мне. И я буду приглашать сюда кого хочу и когда хочу.

Джамиля извивалась в его руках, пытаясь освободиться, но добилась она только того, что оказалась еще ближе к нему. И тогда она услышала, как он тихо выругался. Неожиданно его руки подхватили ее и потащили в ванную. Она пыталась ударить его ногами, но он был таким сильным, что все ее попытки бороться были тщетными. Сильное мокрое тело крепко прижимало ее к себе, и это была целиком ее вина.

Она не успела сказать ни слова, а они уже оказались в ванной. Салман легко справлялся с ней одной рукой, а другой включал душ. Теперь она билась обеими руками, но все было бесполезно. Его руки были словно из стали.

Краны были открыты, и вокруг них уже начал подниматься пар, когда она наконец выпалила:

- Какого черта ты делаешь? Отпусти меня сейчас же!

В этот момент Салман увлек их обоих под мощную струю теплого душа, и Джамиля услышала его зловещий голос:

- Отвечаю тебе тем же, мисс Недотрога.

Глава 3

Гнев, охвативший Салмана несколько секунд назад, утих. Он понимал, что причиной его было то, как действовала на него эта женщина, а вовсе не ее воинственность по отношению к нему. И теперь он не видел ничего вокруг – только Джамилю. Ее одежда уже промокла и прилипла к роскошному телу.

Джамиля тяжело дышала, прижавшись к стене душевой. Вода текла по ее голове, по лицу, попадала в глаза, она чувствовала на своем животе руку Салмана. Сквозь паровую завесу она видела его огненные глаза, мокрые волосы прилипли к голове. Вода лилась по его мощной груди, по волосам на ней, по соскам. Она попыталась убрать его руку, но он снова положил ее на ее живот и жестко сказал:

- Ты никуда не пойдешь.

Стыд пронзил ее, как только она поняла, что вся промокла и что одежда прилипла к ее телу. Словно прочитав ее мысли, Салман опустил глаза, и она почувствовала, как ее грудь реагирует на этот взгляд, становясь тяжелее, а соски затвердели так сильно под мокрой одеждой, что ей стало больно. Она боялась думать о том, какой прозрачной стала легкая ткань под этой мощной струей. Его глаза загорелись и через секунду потемнели. Это было ужасно, но она чувствовала ответный жар. Она еще раз попыталась освободиться, но Салман только подвинулся ближе, взял ее руки и поднял их над головой. Она отчаянно сопротивлялась, потому что чувствовала себя особенно уязвимой, но это была борьба против того огня, который разгорался в ней самой, в ее теле. Когда их бедра соприкоснулись, она поняла - необходимо немедленно это прекратить.

- Отпусти меня.

Она хотела ударить его коленом в самое уязвимое место, но он быстро изменил их положение так, что его бедро оказалось между ее ног, и она буквально онемела. Одна его рука, словно наручники, сковывала обе ее, другой он поднял ее лицо за подбородок. Джамиля сжала зубы и попыталась отвернуться, однако он снова повернул ее к себе. Он улыбался, и это была улыбка хищника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ebbi-grin/sekrety-oazisa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)